

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Диверсанты Второй мировой

Содержание

<i>М. Токарев.</i> СССР. 1941-й. «Бранденбург-800»: «черные кошки в темной комнате»	5
<i>И. Стариков.</i> Взрывы в Харькове	58
<i>А. Гаевский.</i> Парашютисты советского флота: опыт создания и применения парашютно-десантных частей ВМФ СССР. 1941—1944 годы	122
<i>Е. Абрамов.</i> Диверсионные десанты морской пехоты Северного флота в 1941—1944 годах	175
<i>М. Токарев.</i> «Не-сволочи». Подготовка и использование подростков в СССР для разведывательно-диверсионной деятельности в годы Великой Отечественной войны	251
<i>Т. Малахова.</i> Розмыслы командарма	280
<i>А. Попов.</i> Эшелоны летят под откос	295
<i>И. Ландер.</i> Британские диверсионные операции	315

ДИВЕРСАНТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Редактор-составитель *Г. Парнаевский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *А. Плукина*
Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Носте page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диалогитивов 07.10.2008.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 18,40.
Тираж 5000 экз. Заказ № 6898

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

БРИТАНСКИЕ ДИВЕРСИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ

1. ПРЕДЫСТОРИЯ

Диверсионное направление привлекло внимание британского руководства задолго до первых залпов Второй Мировой войны. Первое слово в этой сфере произнес еще в конце 1938 года руководитель информационно-аналитического Центра промышленной разведки (ИИЦ) Десмонд Дж. Ф. Мортон. Он впервые сформулировал передовую концепцию экономической войны, согласно которой в грядущих вооруженных столкновениях разрушение экономики противника будет играть не менее важную роль, чем уничтожение его армии. В связи с этим он предложил провести подготовку к созданию министерства экономической войны, четвертого боевого ведомства государства наряду с министерствами армии, авиации и флота. Мортон полагал, что “новое министерство должно заниматься не только открытыми операциями, как, например, контролем за контрабандой, но и развернуть свою наступательную деятельность в сфере так называемых “специальных операций”, проводя их в виде диверсий и саботажа. Эти операции должны быть направлены как против вражеских государств, так и против тех нейтральных стран, из которых противник получает снабжение”¹. Такой подход предусматривал централизацию руководства подрывной работой, проводимой уже не столько в сиюминутных интересах войск, сколько в соответствии со стратегическими целям ведения войны. Эти взгляды разделял друг Мортон Уинстон Черчилль, полностью реализовавший их в 1940 году.

Однако руководитель ИИЦ оказался не единственным, обратившим внимание на диверсионную и подрывную деятельность. К концепции ведения боевых действий нетрадиционными методами одновременно подошли, хотя и не столь широко, в трех основных ведомствах, озабоченных явно надвигающейся на Европу войной: министерстве иностранных дел, разведке и военном министерстве.

Вскоре после аншлюса Австрии в Форин офис стали постепенно осознавать нарастающую внешнюю угрозу и решили возобновить ведение успешно опробованной в предыдущей войне подрывной пропаганды. С этой целью в марте 1938 года в составе министерства было негласно образовано небольшое структурное подразделение, не внесенное в официальную структуру ни в 1939, ни в 1940 году. Возглавлял его Кэмпбелл Стюарт, в обязанности которого вошло изучение механизма действия подрывной пропаганды для разложения войск и тыла противника и выработка рекомендаций по ее использованию в качестве средства ведения войны. По месту нахождения это закрытое бюро условно обозначалось как “Электра Хауз” (ЭХ).

Практически в это же время руководитель Секрет Интеллидженс Сервис (СИС, она же МИ-6) адмирал Хью Синклер отозвал из армии для прохождения дальнейшей службы в разведке майора Лоуренса Гранда и подчинил ему новую секцию “Д” – диверсионную службу. Задачей Гранда являлось не практическое проведение операций, а систематическая, планомерная и глубокая подготовка к ним. Требовалось разработать теорию проведения специальных операций, выявить уязвимые точки вероятных противников, изучить методы и средства проведения актов саботажа, вербовочную базу возможной диверсионной агентуры, пути использования подрывной пропаганды для ослабления врага и многое другое. Впоследствии Гранд вспоминал, что грандиозность поставленной задачи вызывала у него ощущения человека, которому поручено сдвинуть с места египетскую пирамиду с помощью булавки. Однако он бесстрашно взялся за доверенное ему дело и 31 мая 1938 года представил руководству доклад, в котором перечислял возможные цели для проведения диверсий в Германии. Пространный список включал в себя систему энергоснабжения, телефонную связь, систему распределения продовольствия, боевые корабли, самолеты, сельскохозяйственные объекты и многое другое. Столь масштабные задачи Гранд предполагал решать путем:

- использования уже действующих в Германии антиправительственных организаций, в том числе коммунистических;
- использования одиночных агентов из числа рабочих для проведения особо сложных и изолированных актов промышленного саботажа;
- проведения акций “морального саботажа” (то есть распространения подрывных слухов).

Общие затраты на подрывную работу в рейхе майор оценивал достаточно скромно, в 20 тысяч фунтов.

В области пропаганды Стюарт и Гранд дублировали друг друга, естественно, ничего не зная о проводимой в смежном ведомстве работе. Более того, оказалось, что СИС работала параллельно и с военным министерством. Осенью 1938 года в генеральном штабе был создан новый отдел ГС(Р) во главе с майором Джо Холландом, в обязанности которого входило изучение методов ведения партизанской войны, причем не в теоретическом, а в практическом плане. Холланд прорабатывал имевшиеся открытые и закрытые источники, описывавшие организацию и тактику действий буров в период Южно-африканской войны, операции Т. Э. Лоуренса “Аравийского” против тыловых коммуникаций турецких войск, иррегулярные действия китайцев против Японии, партизанские операции в период Гражданских войн в России и Испании, еврейско-арабский конфликт в Палестине и тактику ирландских сепаратистов. Работу отдела курировал заместитель начальника военной разведки Фредерик Джордж Бомонт-Несбитт, весной 1939 года, после разделения Директората военных операций и разведки военного министерства на две самостоятельные структуры, возглавивший Разведывательный директорат. Группа Холланда вошла туда под шифром МИ(Р), иногда употреблялся вариант написания МИ-Р.

Задачи этого подразделения формулировались следующим образом:

- проведение общих исследований по запросам директора военной разведки, включая оценку и подготовку проектов использования подразделений специального назначения или иррегулярных сил для помощи или усиления эффекта обычных военных операций (прямо или косвенно);
- проведение технических исследований и изготовление специального снаряжения для осуществления таких проектов;
- осуществление таких проектов при получении соответствующего приказа и в случаях, когда выполнение этих задач не входит в компетенцию других организаций или штабов;
- сбор информации специальными методами вне пределов компетенции других подразделений военной разведки;
- опросы, обучение и учет лиц, обладающих особой квалификацией, пригодной для использования в иррегулярных военных операциях.

Первоначально регионами заинтересованности МИ(Р) были определены Румыния, Дания, Нидерланды, Польша, Богемия, Австрия, собственно Германия, Ливия и Афганистан. Общие затраты на работу в них оценивались в 500 тысяч фунтов.

В преддверии войны руководители военной и политической разведывательных служб договорились о более углубленном взаимодействии своих подразделений, и МИ(Р) стала работать по единому плану с секцией “Д”. Задачи каждой структуры разграничивались довольно просто: военные занимались планированием операций, которые могли осуществлять одетые в форму военнослужащие, а разведчики специализировались по тайным операциям силами агентуры, то есть боевые задачи отделялись от оперативно-боевых. Вскоре ведомство майора Гранда получило приказ начать осторожную подготовку к актам саботажа и распространению листовок в аннексированных Германией Чехии и Австрии, а также непосредственно готовиться к аналогичным действиям в находящихся под угрозой нацистской оккупации странах Южной и Юго-Восточной Европы.

20 марта 1939 года майор Холланд направил начальнику имперского генерального штаба лорду Горту рапорт с изложением своих взглядов на перспективы осуществления

специальных акций, в результате чего через три дня тот провел встречу с министром иностранных дел Эдуардом Фредериком Линдли Вудом Галифаксом и его постоянным заместителем Александром Кадоганом. На этом объединенном совещании они совместно выработали концепцию, оказавшую значительное влияние на дальнейший ход тайной войны в Европе. Реализовалась она, однако, лишь в июле следующего года, когда на основе секций “Д”, МИ(Р) и бюро ЭХ возникла совершенно новая структура, предназначенная для ведения войны нетрадиционными средствами, включавшими активные действия и подрывную пропаганду. Впрочем, первоначально англичане отнюдь не намеревались совершать столь принципиальную реорганизацию, а планировали ограничиться совершенствованием координации секций “Д”, МИ(Р) и бюро ЭХ, для чего сформировали Совет по межведомственному проекту “Д” (от английского слова “*destruction*” – “разрушение”). Тем не менее, вскоре все ответственные за это направление деятельности должностные лица убедились в полной бесперспективности таких попыток и создали принципиально новую спецслужбу, название которой точнее всего переводится на русский язык как “Исполнительный орган специальных операций” (СОЕ). Именно в нем идея Мортонса получила свое наиболее полное воплощение, однако для этого Великобритании потребовалось пережить серьезное поражение.

Осенью 1939 года в Лондоне никто еще не предполагал, сколь долгой и изнурительной окажется недавно разразившаяся война. Британская военная доктрина того периода предполагала возможным достижение победы над Германией без проведения широких операций наземных войск. Высшее военное руководство страны рассчитывало, что для сокрушения противника будет достаточно морской блокады, стратегических воздушных бомбардировок и широкомасштабных диверсий и саботажа. Даже в мае 1940 года начальник имперского генерального штаба докладывал Военному кабинету: “Германия все еще может быть побеждена экономическим давлением, комбинацией ударов с воздуха на объекты экономики в Германии и на моральный дух немцев, и организацией широких восстаний на завоеванных ей территориях”². Не касаясь первых двух элементов, следует отметить, что обеспечить третий из них британские спецслужбы оказались явно не в состоянии. Разобщенные диверсионные подразделения СИС и военной разведки не координировали свои усилия и вообще не знали, как подступиться к данной проблеме. Собственно, правительство и не ставило перед ними задачу развертывания беспощадной тайной войны, поэтому такая весьма дорогостоящая деятельность, как подрывные и диверсионные операции финансировалась весьма скудно. Отдача была соответствующей.

Было совершенно ясно, что широкомасштабные диверсии невозможно осуществить только силами кадровых работников спецслужб, и единственным способом воплощения данной концепции в жизнь могло стать только массовое привлечение к саботажу и диверсиям населения оккупированных агрессорами государств. МИ(Р) провела большую работу по созданию печатного руководства по ведению партизанской войны для гражданских лиц и перевела его на многие языки. Документ был, несомненно, полезным и важным, но не учитывал одну ключевую деталь: европейцы отнюдь не горели желанием создавать партизанские формирования и развертывать иррегулярную войну в тылу немцев. Диверсионная секция МИ-6 совершила весьма немного успешных акций, правда, они были достаточно важны. Перед самым падением Амстердама подчиненные майора Гранда провели операцию по спасению бриллиантов на сумму 1,25 миллиона фунтов стерлингов. Секция “Д” также имела непосредственное отношение к эвакуации генерала де Голля, и этим ее оперативные достижения ограничились³. Правда, сменивший умершего Синклера новый руководитель СИС Стюарт Мензис имел на этот счет совершенно противоположное мнение и пытался убедить правительство поручить ему руководство всеми операциями по саботажу, диверсиям и подрывной пропаганде, для чего несколько министерств должны были создать специальные секции и передать их в оперативное подчинение секции “Д” СИС. Военные придерживались принципиально иной точки зрения. Они не желали перепоручать боевую

работу гражданскому ведомству и справедливо указывали на то, что работа МИ(Р) оказалась значительно более продуктивной, чем секции “Д”. Однако вскоре армия и флот изменили свое мнение. Летом 1940 года пала Франция, и Великобритания осталась с Германией фактически один на один. В этой связи основное направление деятельности ее спецслужб подверглось принципиальному пересмотру. Если раньше в Лондоне предпочитали идти по пути создания межведомственных координационных советов, то уже 25 мая Комитет начальников штабов определил, что “организация широкомасштабного восстания на захваченных Германией территориях должна стать главной целью британской стратегии. Для этого понадобится специальная организация, и в преддверии этого ее следует срочно создать”⁴. Координацию выполнения столь важной задачи Военным кабинетом, генеральным штабом и секретными службами правительство возложило на секретаря Комитета имперской обороны и Военного кабинета лорда Хэнки. Министр экономической войны Хью Дальтон писал: “Все, что нам необходимо – это новая организация для того, чтобы координировать, вдохновлять, руководить и помогать народам оккупированных стран, которые сами должны быть ее непосредственными участниками. Нам нужна абсолютная секретность, желание работать с представителями разных народов, полная политическая надежность”⁵.

С последним делом обстояло сложнее всего. Ситуация в Европе сложилась таким образом, что основные слои населения страдали от оккупации далеко настолько сильно, чтобы бросить устоявшийся жизненный уклад и заняться подпольной или партизанской деятельностью. Они небезосновательно полагали, что это поставит под угрозу не только их собственные жизни, но и жизни близких им людей и просто окружающих мирных граждан, поскольку немцы вполне отчетливо продемонстрировали, что в вопросах обеспечения безопасности своего тыла они не допустят даже малейших послаблений. Поэтому, как обескураженно обнаружили британцы, в ряды движения Сопротивления готовы были влиться в основном левые и радикальные элементы, большинству из которых было нечего терять. Поддержка коммунистов, благодаря этому неизбежно укрепивших свое положение в послевоенной Европе, не входила в планы руководства Британской империи, однако до победы в войне было еще очень далеко и приходилось опираться на любые силы, способные помочь в борьбе против Германии.

Упомянутый Хью Дальтон получил назначение на пост министра экономической войны в результате сложных политических комбинаций. Сформированный после падения правительства Чемберлена Военный кабинет являлся коалиционным, и вошедшие в него лейбористы особенно ревностно относились к специальным службам, к которым они со времен “письма Зиновьева”⁶ питали вполне оправданное подозрение и неприязнь. Партия потребовала назначить своего члена главой как минимум одной секретной службы, и выбор пал на Дальтона, который на посту министра должен был, помимо министерства как такового, руководить созданным 16 июля 1940 года в обстановке глубочайшей секретности Исполнительным органом специальных операций (СОЕ). Это название невозможно было встретить ни в одном открытом документе, и большинство членов правительства также оставались в неведении относительно возникновения в Британии новой секретной службы. Во внешнем мире для прикрытия ее следовало все же как-то обозначить, и сотрудники СОЕ, чаще всего выступая от имени официального министерства экономической войны, иногда использовали названия несуществующих коммерческих фирм, а периодически именовали свое ведомство “Комнатой 055”⁷, Межведомственным исследовательским бюро (ИСПБ) или Научно-техническим комитетом. Зафиксированы случаи, когда, к ужасу интендантов, расписку в получении с военных складов взрывчатки, оружия или парашютов выдавала какая-нибудь страховая компания, торговая или юридическая фирма. Часто применялись вообще не вполне внятные аббревиатуры, косвенно намекающие на принадлежность к тем или иным ветвям армейской, морской или авиационной разведки: MO1(SP), NID(Q), A110. Здесь следует отметить, что во все времена британцы питали прямо-таки культовую приверженность к использованию и постоянной перемене условных обозначений различных структур своих спецслужб. Кроме того, как уже отмечалось, в рассматриваемый период

большинство из них не имело официального статуса. Поэтому условно эти ведомства обозначались как подразделения военной разведки (МИ), независимо от фактической подчиненности. Часть структур разведывательного сообщества Британии действительно являлась секциями Директората военной разведки, тогда как остальные не имели к ней никакого отношения и лишь камуфлировались под них для введения в заблуждение всего мира и собственных сограждан.

Совершенно секретный меморандум лорда-президента Совета от 17 июля 1940 года № WP(40)271 гласил:

“4. Премьер-министр далее решил после консультаций с причастными министрами, что с этого момента должна быть учреждена новая организация для координации всех подрывных и диверсионных действий против врага за границей...

а) организация создается для координации всех подрывных и диверсионных действий против врага за границей. Эта организация будет известна как Исполнительный орган специальных операций.

б) Исполнительный орган специальных операций будет находиться под руководством председателя мистера Дальтона, министра экономической войны.

с) Мистер Дальтон будет получать содействие от сэра Роберта Ванситтарта⁸.

<...>

і) Все операции по саботажу, секретной подрывной пропаганде, побуждению гражданского неповиновения в оккупированных областях, провоцированию волнений, забастовок и т. п. в Германии и оккупированных областях до осуществления любым ведомством подлежат передаче мистеру Дальтону на утверждение.

ј) Мистер Дальтон будет координировать планирование операций по нелегальной войне и указывать, какая из организаций должна осуществлять их. Он будет ответственен за получение согласия министра иностранных дел или другого заинтересованного министра на любые операции, которые могут затронуть их интересы”⁹.

Совершенно очевидно, что министр не мог самостоятельно вникнуть в детали операций. Для руководства повседневной деятельностью СОЕ следовало создать аппарат во главе с исполнительным директором, которым в августе 1940 года стал Фрэнк Нельсон (кодовое обозначение “CD”). Этот 56-летний бывший торговец в Индии, на протяжении семи лет заседавший в парламенте и занимавший консульский пост, в свое время близко соприкоснулся с миром секретных служб, что привело его на должность резидента сети “Z”¹⁰ в Базеле.

Изначально планировалось включить в состав СОЕ МИ(Р), секцию “Д” и бюро ЭХ, однако уже на первом этапе организации новой службы события развернулись иначе. “Электра Хауз” и “Д” действительно вошли в СОЕ целиком, зато военные пожелали сохранить в своем распоряжении некоторых специалистов по диверсионной войне, и МИ(Р) оказалась разорванной надвое. В результате в Исполнительном органе специальных операций вначале сформировали три основные параллельные подразделения, получившие обозначение СО (“специальные операции”). ЭХ и “Д” составили СО-1 (подрывная пропаганда) и СО-2 (активные операции), а СО-3 во главе с ван Катсеном занималось планированием. Последнее просуществовало до сентября 1940 года и по причине своей крайней слабости было включено в состав СО-2 в качестве отдела разведки и планирования. Ни для одного из руководителей прежних британских органов диверсионной войны и подрывной пропаганды места в СОЕ не нашлось. В сентябре 1940 года после неудачной попытки назначить Гранда заместителем Нельсона он был уволен со службы, Холланд сам перешел в регулярные саперные войска, а Кэмпбелла Стюарта вежливо уволили. Руководителем СО-1 назначили Рекса Липера, СО-2 возглавлял лично Фрэнк Нельсон.

В дальнейшем СОЕ пережил немало административных перипетий, его пытались расколоть, переподчинить, объединить, но, так или иначе, он стал крупнейшей британской спецслужбой периода Второй Мировой войны, самой дорогостоящей, самой вовлеченной в политические интриги и самой разрекламированной в послевоенный период. Его

последовательно возглавляли Фрэнк Нельсон, Чарльз Хэмбро и Колин Габбинс. Будучи структурой военного времени, СОЕ просуществовал недолго и в 1946 году был расформирован. Однако за годы своего активного существования его офицеры и агенты провели тысячи акций разного уровня и разной степени успешности, познали громкие победы и колоссальные провалы.

2. УНИЧТОЖЕНИЕ ПОСТА РАЗВЕДКИ

В период Второй мировой войны Пиренейский полуостров оказался в самой гуще разведывательных операций, в основном направленных против третьих стран. Однако и сами Испания и Португалия также служили объектами устремлений спецслужб противоборствующих коалиций из-за их стремления перетянуть Мадрид и Лиссабон на свою сторону или, по крайней мере, убедиться в сохранении ими нейтралитета.

Британскую разведку представляла в Мадриде резидентура МИ-6 во главе с полковником Эдуардом де Рензи-Мартинем, который до прихода в 1934 году на службу в СИС в течение семи лет работал инспектором в албанской жандармерии¹¹. Он не был в состоянии практически руководить агентурными операциями, поэтому в 1940 году на смену ему прибыл Гамильтон-Стокс с заместителем Мак-Ллорином. Новый резидент до 1936 года работал в варшавской “станции” МИ-6, после чего был переведен в центральный аппарат разведки, а затем кратковременно занимал пост помощника резидента в Будапеште. Штат действовавшей под прикрытием Бюро паспортного контроля мадридской точки составлял 14 человек, в основном британских граждан из местной колонии, большинство из них действительно занимались только визами и паспортами и к оперативной работе никакого отношения не имели.

Несмотря на солидный послужной список, Гамильтон-Стокс также не являлся специалистом по агентурно-оперативной работе, но, даже если бы он был виртуозом тайных операций, ситуация от этого не улучшилась бы. Британский посол в Мадриде Сэмюэль Хор категорически воспротивился проведению любых разведывательных операций с территории Испании. Он сумел добиться принятия на уровне Форин офис соответствующего решения, полностью разрушившего оперативные позиции СИС в стране. При этом посол не ограничился собственным запретом и его подтверждением из Лондона, а поручил военно-морскому атташе капитану 1-го ранга Алану Хиллгарту, по совместительству исполнявшему обязанности офицера безопасности посольства, осуществлять повседневный контроль за выполнением этого распоряжения. Хиллгарт хорошо знал Испанию, поскольку в период гражданской войны занимал пост британского консула на Пальме, распоряжался секретными фондами СИС (и это при наличии штатного резидента!) и имел право прямого доклада не только Мензису, но и премьер-министру Черчиллю, с которым давно дружил. Все это предопределяло его особый статус в Мадриде. Военно-морской атташе в Испании с 1943 года руководил всей морской разведкой на Восточном ТВД и являлся как бы самым старшим офицером разведки, поскольку по протекции адмирала Годфри координировал действия СОЕ, НИД и МИ-6.

Строго говоря, координировать было особенно нечего. Британские спецслужбы в Испании операций практически не осуществляли, за исключением Службы спасения и побегов МИ-9. Зато германская разведка, в отличие от весьма несолидно выглядевших британцев, обосновалась в Испании прочно и представительно. Посольство Германии насчитывало в 1941 году 391 служащего, из которых “чистыми” дипломатами являлись лишь 171¹², остальные занимались разведкой и контрразведкой. Это было вполне естественно, поскольку контакты спецслужб рейха с Франко закладывались еще в 1936 году и оказались весьма результативными для обеих сторон. Резидентура абвера (КО-Испания) действовала в стране с 5 февраля 1937 года и в июне 1940 года насчитывала 87 человек, в том числе 73 разведчика и 5 контрразведчиков. Резидент Вильгельм Лайсснер (Густав Ленц или “папа

Ленц») по прикрытию руководил фирмой “Эксцельсиор”. К 1945 году КО-Испания насчитывало уже 717 штатных и 600 привлеченных сотрудников, имевших на связи 360 агентов и 90 диверсантов¹³. Подрезидентуры, а также посты перехвата и дешифровки располагались в городах Испании и Испанского Марокко Сан-Себастьян, Барселона, Севилья, Ла-Линеа, Альхесирас, Тетуан, Танжер, Сеута и Мельвиль. Кроме того, в Испании с разрешения Франко действовали несколько постов перехвата военно-морской радиоразведки “Служба Б”, а в Мадриде, Севилье, Танжере и на Канарских островах в частных домах располагались точки Шифровального бюро вермахта (“Ши”). До осени 1942 года они вместе с возглавляемой полковником Сармиенто криптографической службой испанского генштаба занимались прослушиванием станций на территории Франции, а затем полностью переключились на Атлантику и Средиземноморский бассейн. В Альхесирасе и Танжере (Испанское Марокко) располагались посты морской разведки, наблюдавшие за судоходством в Гибралтарском проливе. На испанской территории к западу от Гибралтара располагалась цепочка вилл на побережье, прозванная “шпионским рядом” из-за постоянно проводившегося оттуда визуального наблюдения за территорией колонии. Британцам было известно, например, что абвер облюбовал там отель “Рейна Кристи” и виллы “Леон”, “Исабель”, “Луис” и “Хаус Келлер”.

Все это, в частности, создавало серьезную угрозу для сохранения в секрете намеченной на начало октября 1942 года предстоящей высадки войск союзников в Северной Африке (операция “Торч”), тогда как разведки Великобритании и США прилагали значительные усилия для сокрытия от противника приготовлений к ней. В ходе этого процесса в феврале 1942 года “Ким” Филби, занимавшийся в МИ-6 анализом поступавших от Службы радиобезопасности (РСС) перехватов, обратил внимание на повторявшееся в них кодовое обозначение “Бодден”. Оно присутствовало в расшифрованных текстах с декабря 1941 года и считалось одной из операций абвера, что и стало причиной передачи материалов о нем в V (контрразведывательную) секцию. Филби заинтересовался непонятным обозначением по чистой случайности. Настоящий Бодден является названием небольшого залива в Северном море около Пенемюнде¹⁴, где, как уже знали в СИС, немцы испытывали новые средства ведения войны. Другие офицеры сочли “Бодден” зашедшей в тупик акцией германской военной разведки и проигнорировали эти данные, но Филби вскоре убедился, что речь идет не об операции, а о некоем техническом средстве. Вскоре стало совершенно ясно, что это кодовое обозначение не имеет никакого отношения к Пенемюнде, поскольку присутствует в основном в радиограммах из Испании и Испанского Марокко. Офицерам СИС в Мадриде, Гибралтаре и Танжере дали указание изучить обстановку в привязке к загадочному “Боддену”, и вскоре резидент из испанской столицы доложил о прибытии туда нескольких групп германских технических специалистов с непонятными функциями. Из Гибралтара пришло сообщение о нескольких запретных зонах, обнаруженных на побережье вблизи Альхесираса. Более конкретной оказалась информация из Танжера. Агенты зафиксировали прибытие туда технического оборудования неустановленного назначения, а главный источник МИ-6, сотрудник германской миссии в Танжере Курт Райсс сообщил о предстоящей установке некоего специального радиооборудования. Поскольку имевшиеся разведывательные признаки не позволяли отнести “Бодден” ни к радиолокаторам, ни к иной уже известной технике, было решено подключить к вопросу IV секцию СИС (научно-техническая разведка). Ее сотрудник Р. Джоунс заказал аэрофотосъемку подозрительных районов и после изучения полученных материалов заключил, что по обе стороны Гибралтарского пролива установлено мощное оптическое инфракрасное оборудование. После получения этих данных разведка перепроверила их и получила многократное перекрытие информации. Техника позволяла немцам в ночное время фиксировать перевозки и транзит кораблей и судов через пролив и поставила под угрозу внезапность перехода десантных отрядов в Северную Африку. Дело напрямую касалось военно-морских вопросов, поэтому его передали на рассмотрение директору разведки Адмиралтейства Джону Годфри, который, в свою очередь, доложил об этом первому морскому лорду Дадли Паунду. Моряки единодушно

решили, что ради сохранения в секрете операции “Торч” оборудование необходимо уничтожить любыми средствами, но на этом этапе в дело вмешался Форин офис. По политическим соображениям проведение боевой операции в нейтральных государствах было признано невозможным, и тогда руководитель СИС Стюарт Мензис поручил уничтожить инфракрасную установку в Испанском Марокко своим сотрудникам. Персонал “станции” МИ-6 в международной зоне Танжера состоял из резидента Тоби Эллиса и двух оперативных сотрудников – Малькольма Хендерсона и Нейла Уайтлоу. Они руководили несколькими агентурными сетями из членов местной английской колонии и беженцев-антинацистов, работу которых сильно затрудняла прогерманская ориентация властей. Эллис поручил агентам обследовать подозрительные виллы на побережье и установил, что разведывательное оборудование может находиться только в отдельном доме по адресу рю де Фалез, 4, стоявшем на вершине выступавшего в море утеса. Он, хотя и не слишком тщательно, но все же охранялся, зато за пределами участка у подножья утеса вдоль моря проходила открытая для всех желающих тропинка. Расчеты показали, что взрыв заряда большой мощности способен обрушить в море часть берега вместе со стоящим на нем домом. Как и следовало ожидать, МИД пришел в ужас от планировавшейся акции и запретил ее проведение. Но пока что разведчики изготовили мину соответствующей мощности и на пароме из Гибралтара переправили ее местному резиденту СОЕ Эдуарду Уортон-Тайгеру, имевшему в подчинении еще одного сотрудника. Совместная операция двух служб получила кодовое обозначение “Фалез”.

11 января 1942 года главный противник уничтожения германского инфракрасного оборудования в Танжере посол Великобритании в Мадриде Сэмюель Хор после долгих уговоров снял свои возражения против операции. Уже следующей ночью два агента СОЕ, испанский коммунист-эмигрант и местный бармен, через подвальное окно виллы заложили в ее основание 38 фунтов пластиковой взрывчатки. После взрыва дом с частью утеса плавно соскользнул в море, и оборудование перестало существовать. Наутро выяснилось, что акция была проведена крайне своевременно, поскольку уже в 9 часов утра генеральный консул Великобритании в Танжере сообщил Уортон-Тайгеру, что за ночь Хор передумал и отозвал свое разрешение. Проводившая расследование местная полиция арестовала всех известных ей агентов Эллиса, но резидент заранее позаботился об обеспечении их алиби, и после перекрестного допроса всех отпустили. Уортон-Тайгера на всякий случай перевели на службу в китайскую точку СОЕ. После того, как возражать было уже поздно, Хор решил внести свою лепту в устранение угрозы рассекречивания операции “Торч”. Он вручил подборку фотографий расположенной в Альхесирасе инфракрасной установки министру иностранных дел Испании и потребовал убрать ее. После этого Правительственная школа кодов и шифров (ПШКШ)¹⁵ зафиксировала всплеск радиообмена между Мадридом и Берлином, и в итоге немцы вывезли свое разведывательное оборудование. Опасность визуального обнаружения десантных отрядов в ночное время миновала.

2. ОХОТА ЗА СУДАМИ

Географический диапазон действий Исполнительного органа специальных операций был весьма широк и включал, помимо прочего, Азиатский театр военных действий (ТВД). В частности, в Индии действовала небольшая “Индийская миссия” (ИМ) СОЕ, созданная по инициативе министра по делам Индии при участии направленного им в Сингапур для консультаций полковника Джойса из Индийской политической полиции. В мае 1941 года тот провел ряд бесед с эвакуированным из Сингапура руководителем “Восточной миссии” (ОМ) СОЕ Валентином Киллери и убедил его не только в возможности, но и в перспективности этого направления. Возглавивший спешно созданную ИМ одноногий ветеран Первой мировой войны подполковник Колин Х. Маккензи пребывал в дружеских отношениях с вице-

королем Индии лордом Линлитгоу, что сразу же позволило обеспечить миссии привилегированное положение. На протяжении длительного периода времени большинство информированных о существовании ИМ были уверены, что она входит в состав военного ведомства. Подразделение использовало аббревиатуру прикрытия ГСИ(к), в которой “ГС” общепринято расшифровывалось как “генеральный штаб”, а “И” – как “разведка”.

До 22 июня 1941 года основной задачей “Индийской миссии” являлась подготовка к противодействию ожидавшемуся удару СССР или Германии по Индии со стороны Ирана или Кавказа. В период летнего отступления советских войск британцы рассматривали возможность принятия отступавших частей Красной Армии на индийскую территорию и проведения специального обучения их личного состава для дальнейшего использования в партизанской войне. К сфере ответственности миссии относились также Афганистан, Тибет, Иран (условно) и, возможно, Бирма. Последнюю планировалось включить в список лишь в случае провала “Восточной миссии”. Однако спектр деятельности ИМ был странно и нелогично ограничен. Обязанности по подготовке и осуществлению диверсий несли армия, на долю СОЕ оставались подрывная пропаганда и ведение тактической разведки, теоретически не входившее в компетенцию этого органа.

В марте 1942 года исполнительный директор СОЕ Фрэнк Нельсон реорганизовал и децентрализовал подчиненное ведомство, равномерно распределив зоны ответственности в Азии между Индией, Бирмой, Голландской Восточной Индией (Индонезией) и отчасти Австралией. Диверсионные действия против войсковых объектов и экономической саботажа отошли на второй план, приоритет отдавался подготовке к широкой партизанской войне. После обострения ситуации в Бирме СОЕ планировал вывести оттуда своих работников в Китай, однако по настоянию лорда Линлитгоу до августа 1943 года самая крупная в Азии точка Исполнительного органа специальных операций была размещена при штабе главнокомандующего вооруженными силами в Индии.

По мере развития японского наступления сфера ответственности “Индийской миссии” менялась. При сохранении афганского и иранского направлений (восточная часть Ирана относилась к операционной зоне точки СОЕ в Каире), с августа 1942 года вхождение Индии в зону боевых действий и ликвидация “Восточной миссии” вынудили существенно скорректировать первоначальные установки. Прежде всего, по причине значительной удаленности от Лондона и связанной с этим затрудненности в руководстве ИМ Маккензи был наделен правом самостоятельного определения ее приоритетов, но при обязательном условии получения санкции на них от вице-короля или главнокомандующего. Прежние ограничения были отменены, “Индийской миссии” разрешалось совершать любые действия, если поставленные задачи были недостижимы с помощью дипломатических мер. Естественно, сохранявшаяся в течение всего 1942 года угроза японского вторжения в Индию заставила СОЕ сосредоточиться на зафронтовых операциях в японском тылу. При этом в роли агентуры в первую очередь использовались коммунисты и мусульмане, то есть именно те категории населения региона, которые в течение двух предыдущих десятилетий органы безопасности Индии рассматривали в качестве главного противника. В мадрасском филиале ИМ над всеми остальными агентами довели коммунисты, а калькуттский филиал фактически оказался наводнен мусульманами, однако первоначально в целях консолидации сил на это решили закрыть глаза. Британцы, с учетом уроков Малайи, занялись обучением диверсионной технике индийских студентов-коммунистов. Коммунистическая партия Индии (КПИ) располагала полулегальной сетью ячеек, по мнению, СОЕ, идеально подходившей для использования в качестве разведывательного и диверсионного аппарата. В августе 1942 года первые 150 курсантов из общего числа 700 запланированных для подготовки приступили к занятиям по 7-месячной программе. Кроме разведывательных задач, в случае весьма вероятной оккупации коммунисты должны были использоваться для ликвидации установленных членов японской “пятой колонны”. Руководители КПИ охотно приняли на себя эту миссию, поскольку понимали, что коллаборационисты немедленно выдадут японской военной контрразведке Кемпейтай всех известных им членов партии. В целом,

программа противодействия фактически являлась для КПИ программой самозащиты. На курсах в Мадрасе коммунистов обучали методам бесшумного убийства всеми известными способами, о чем еще год назад было невозможно даже помыслить. Естественно, полиция и гражданские службы опасались возможного использования боевиками КПИ полученных знаний в антиколониальных целях, но Маккензи заверил, что способен контролировать курсантов и выпускников. Он сообщил коммунистам дислокацию секретных складов с оружием, боеприпасами и средствами взрывания, однако предупредил, что трогать их можно лишь в случае японского вторжения. Через две недели во все склады одновременно проникли неизвестные и попытались опустошить их, но те оказались пустыми. Ловушка Маккензи выявила подлинные намерения КПИ, и в апреле 1943 года программу подготовки коммунистов к диверсионным и террористическим операциям отменили.

По прошествии некоторого времени сфера действия “Индийской миссии” была вновь подкорректирована. Руководство партизанскими операциями перешло к армии, за СОЕ осталась общая координация действий в этом направлении, целеуказание и отправка малых агентурно-боевых групп. Проблемы с ненадежностью агентуры для выполнения специальных операций привели к ощутимому уклону ИМ в сторону сбора разведывательной информации. В Лондоне не вполне осознавали трудности кадрового характера, с которыми встречались Маккензи и его офицеры, и мягко, но настойчиво поправляли их: “Мы никогда не должны забывать о букве “О” в наименовании Исполнительного органа специальных операций”¹⁶. И в дальнейшем столичное руководство регулярно напоминало, что СОЕ является не разведывательным, а оперативно-боевым органом, не улавливая разницу в контингенте европейцев и азиатов, далеко не всегда видевших в японцах врагов и поработителей.

Серьезную проблему для “Индийской миссии” составляло отношение к ней главнокомандующего вооруженными силами в Индии генерала Арчибальда Уэйвелла. Основываясь на своем негативном опыте взаимоотношений с СОЕ в Каире, он автоматически перенес его на Дели и зачастую действовал в ущерб Маккензи, даже несмотря на дружеские отношения подполковника с вице-королем лордом Линлитгоу. Преодолеть предубеждение Уэйвелла индийский центр СОЕ не смог даже после ряда успешных операций в японских тылах. Весной 1943 года обозначились определенные позитивные сдвиги, но недостаточно существенные для того, чтобы счесть ситуацию исправленной. Тем не менее, “Индийская миссия” развивалась, и к середине года ее организационная структура заметно преобразовалась. Маккензи по-прежнему возглавлял ИМ в статусе председателя, ему подчинялись шесть директоров. Штаб-квартира ИМ находилась в Мееруте, ей подчинялись точки в Дели и Бомбее, филиалы в Калькутте с секциями группы стран “А” (Бирма, Таиланд и Французский Индокитай), в Коломбо с секциями группы стран “В” (Малайи, Англо-голландская и Островная), в Куньмине и Чунцине (впоследствии Китай был отнесен к группе стран “С”). В ходе войны общая численность подразделений СОЕ на ТВД многократно возросла по сравнению с несколькими десятками офицеров и гражданских служащих первоначального состава ИМ. В центральном аппарате, учебных и расположенных в Калькутте, Канди, Коломбо и Китае подразделениях служили 2432 человека, в том числе 335 офицеров, 602 сержанта и рядовых и 670 военнослужащих Индийской армии¹⁷. К 1945 году одновременно не менее 400 офицеров и сержантов пребывали в миссиях в Малайе и не менее 600 – в Бирме и Таиланде.

Отсутствие немедленных результатов и резонансных акций столь мощной структуры ставило руководство министерства экономической войны и Исполнительного органа специальных операций в сложное положение, поэтому Лондон постоянно оказывал на Маккензи давление в целях побудить его действовать активнее. В результате тот спланировал операцию “Крик”, вскоре переименованную в “Лонгшэнкс”, против находившихся в португальской колонии Гоа трех германских и одного итальянского судна, экипажи которых не решались выйти в море из опасения быть захваченными британскими кораблями. Ее несколько раз утверждали, отменяли и вновь утверждали, и в результате Маккензи получил

окончательное разрешение лишь в декабре 1942 года. Англичане планировали угнать суда противника в индийский порт. Первоначально они собирались осуществить это в лучших традициях кинематографа, а именно подкупить губернатора колонии Жозе Кабрала, который должен был пригласить на вечеринку моряков со всех итальянских и немецких судов и напоить их, причем матросов – сильно, а офицеров, во избежание возникновения у них подозрений, – не очень. После этого планировалась вторая часть вечеринки с женщинами и танцами. Тем временем переодетые в форму моряков германского и итальянского торгового флота боевики ИМ проникали на борт судов, захватывали их, в случае необходимости расстреливали оказывающих сопротивление вахтенных и дожидались возвращения на борт пьяных экипажей. Их также планировалось захватить, а сопротивляющихся убить. Лишь после этого одно или более судно следовало угнать. Пикантной составляющей плана являлось обязательное требование выполнить все положенные для отхода в рейс иммиграционные, таможенные и прочие формальности, получить разрешение властей на выход в море и полностью уплатить портовые сборы.

26 декабря Форин офис утвердил последнее изменение плана операции, заключавшееся в требовании угнать лишь одно из четырех судов противника, причем именно то, с которого, как полагали британцы, немцы вели разведку. Отныне любое применение силы исключалось, все вопросы надлежало решать исключительно путем уговоров и подкупа, для чего имелись определенные основания. Еще 17 декабря подполковник “Индийской миссии” Льюис Пуг в сопровождении одного из агентов в рекогносцировочных целях посетил Гоа, где выявил действовавшего там германского агента Роберта Коха. Пуг со спутником под видом бизнесмена явился к нему домой и смог убедить и самого немца, и его жену добровольно перебраться в Индию. Детали процесса уговоров и их мотивировка неизвестны. Немцы сообщили, что команды трех германских судов, как ни странно, состоят из нацистов и коммунистов, постоянно конфликтующих между собой и смертельно уставших от многолетнего вынужденного пребывания в Гоа. Кох познакомил прибывших с капитаном Рофельсом, который подтвердил свою готовность за вознаграждение вывести из порта находящееся под его командой судно “Эренфельс” в нейтральные воды, где его перехватят британские корабли. Окрыленные столь впечатляющим успехом англичане провели тщательную подготовку. Маккензи издал приказ о начале проведения операции 13 февраля 1943 года, но практически одновременно с этим выяснилось, что главный двигатель “Эренфельса” выведен из строя, и самостоятельного хода судна не имеет. Тогда не желавшие отказываться от своей идеи англичане зафрахтовали принадлежащую калькуттскому порту самоходную грунтоотвозную шаланду № 5 и распустили слух о том, что ее мирные пассажиры отправляются в Иран. Однако грузившиеся на борт переодетые в гражданскую одежду солдаты и офицеры Калькуттского полка легкой кавалерии и Калькуттского шотландского полка допустили ряд грубых нарушений секретности, в частности, открыто грузили ящики с четко различимым трафаретом “Гранаты”. Мостик шаланды был защищен мешками с песком, на нем оборудовали хорошо заметную с берега пулеметную точку. Капитана Рофельса известили о планируемом прибытии британцев, пообещавших произвести расчет после завершения операции.

После благополучного прибытия плавсредства в Гоа стало ясно, что бесшумно провести операцию “Лонгшэнкс” не удастся. Обычно ярко освещенные суда противника на этот раз были затемнены, а при подходе шаланды к правому борту “Эренфельса” вахтенный окликнул ее по-английски. Немцы обстреляли поднимавшуюся на борт abordажную партию, судно громко загудело, поднимая тревогу. Экипажи “Эренфельса” и двух остальных немецких судов подорвали кингстоны, итальянцы последовали их примеру несколько позднее. Суда загорелись и стали тонуть. Штурмовая группа “Индийской миссии” СОЕ потерь не понесла, с немецкой стороны погибли пять моряков, включая самого капитана Рофельса и матроса, державшего трос гудка до тех пор, пока его не застрелили. Запланированный угон провалился, штурмовая партия бежала, оставив на палубе

полузатопленного “Эренфельса” маски и огнетушители. Португальские власти начали расследование инцидента.

Более скандальное развитие событий придумать было невозможно. В нарушение всех норм международного права британские солдаты напали на судно в нейтральном порту, подняли на нем стрельбу и убили нескольких моряков, вызвали пожары, затопления и практически парализовали нормальное судоходство в Гоа. Операция “Лонгшэнкс” оказалась скомпрометированной с самого начала. Выяснилось, что Рофельс совершенно не собирался принимать подкуп, а просто тянул время в надежде на способность экипажей противостоять штурму и вмешательство португальских властей. Естественно, никаких коммунистов на борту немецких судов не было и в помине, хотя команды действительно были крайне утомлены и раздражены длительным вынужденным пребыванием в Гоа. Немцы не просто догадывались, а знали точную дату начала операции, поскольку англичане сами известили о ней капитана. Выяснилось также, что еще на стадии подготовки к рейсу шаланды № 5 вся Калькутта уже знала о том, что судно зафрахтовано не для мирного рейса, а либо идет в океан для захвата находящейся в гавани одного из островов германской подводной лодки, либо направляется с десантной партией в Гоа для оккупации колонии в ответ на намерение немцев вторгнуться в нейтральную Испанию.

Начальник штаба СОВЕ полковник Джордж Тэйлор доложил о плачевных итогах операции “Лонгшэнкс” и о независимой линии поведения руководства “Восточной миссии” министру экономической войны лорду Сельборну. Тот был крайне возмущен и предложил Маккензи подать в отставку самостоятельно, не дожидаясь приказа об увольнении с мотивировкой о служебном несоответствии. Ветерана выручил британский консул в Гоа. Он провел независимое расследование и ошибочно заключил, что немцы и итальянцы начали стрельбу без каких-либо внешних причин. Команда “Эренфельса” якобы взбунтовалась по причине деморализации из-за длительного бездействия в условиях тропиков, а офицеры испугались возможных репрессий со стороны гестапо и просто имитировали нападение англичан. Добавочным доказательством справедливости этой версии был сочтен факт возгорания итальянского судна уже после окончания стрельбы. Губернатор облегченно согласился с версией консула и обвинил немцев и итальянцев в создании в порту крайне опасных беспорядков и прочих нарушениях. Их объяснения были сочтены неубедительными, и португальские власти уведомили Лондон о том, что не имеют к Великобритании никаких претензий по этому поводу. Никак не ожидавший такого благополучного исхода лорд Сельборн назвал такой поворот событий самой потрясающей удачей СОВЕ за всю его историю и отозвал свое требование об увольнении Маккензи.

Однако не всегда предпринимавшиеся СОВЕ попытки захвата и угона торговых судов противника заканчивались столь бесславно и скандально, бывали и совершенно противоположные ситуации.

После разгрома Франции летом 1940 года и заключения перемирия судьба Французского Марокко, Алжира и Туниса, вместе составлявших так называемую Французскую Северную Африку, оказалась в значительной степени неопределенной. Условия перемирия предусматривали сохранение колоний под властью Франции, ее право содержать там свою администрацию, войска, полицию, спецслужбы и прочие инструменты власти метрополии, однако Муссолини все пристальнее присматривался к возможности экспансии из Ливии на Восток, хотя Гитлер и предостерегал его от этого. Общая обстановка во Французской Северной Африке отличалась засильем реакционных военных и резкими антибританскими настроениями, значительно усилившимися после операции “Катапульта” по захвату и уничтожению французского флота и неудавшейся высадке в Дакаре осенью 1940 года. Де Голля там ненавидели значительно сильнее, чем Гитлера и Муссолини, и движение “Свободная Франция” в первый период своего существования не имело в Африке никакой опоры, тогда как немцы чувствовали себя там вполне уверенно. Спецслужбы Виши ограничивали сотрудничество с победителями (как впоследствии оказалось, временными)

необходимым минимумом, но британцев они также не рассматривали в качестве потенциальных союзников, а все надежды обращали на США.

Несколько проще было работать в Западной Африке, где первые представители британских спецслужб появились в самом конце 1940 года. 6 декабря в Лагос прибыл Луис Фрэнк – первый представитель СОЕ, тогда еще включавшего в себя службу психологической войны. Поскольку СИС не имела резидентуры в Нигерии, он отвечал не только за пропаганду и диверсии, но и за ведение разведки, а также руководил небольшими постами в Гамбии, Сьерра-Леоне и на Золотом Берегу. Первоначально британцы полагали, что единственным источником опасности в Западной Африке для них являются признающие режим Виши французские колонии, однако позднее убедились, что испанские и португальские владения также служат удобной базой для враждебной деятельности. Тогда летом 1941 года миссия СОЕ в Нигерии разделилась на два направления: по Французской Западной Африке (“Фрауэст”) во главе с подполковником Р. Уингейтом (его не следует путать с известным руководителем иррегулярных боевых операций Ч. О. Уингейтом) и по нейтральным колониям (“Неуколз”) во главе с самим Фрэнком.

В отличие от постоянно уносившегося в дебри фантазий “Фрауэст”, “Неуколз” разрабатывал в основном вполне конкретные и реально выполнимые операции. В его активе значились две весьма демонстративные и рискованные акции, принесшие немалую выгоду в прямом и буквальном смысле этого слова. В первом случае за 10 тысяч фунтов стерлингов капитан парохода “Гасконь” под французским (Виши) флагом согласился увести свое судно с грузом касторового семени из Лобио Бей в Португальской Западной Африке в нейтральные воды, где британские корабли захватили его в качестве приза. Стоимость груза составила 300 тысяч фунтов, а судна – 100 тысяч. Вторая операция под кодовым обозначением “Поустмастер” прошла в гавани на испанском острове Фернандо-По, где отстаивались итальянский лайнер “Дукесса д’Аоста”, а также пришвартованные к нему лихтер и буксир. В январе 1942 года все три единицы ночью были захвачены и выведены в открытое море 34 прибывшими из Лагоса на двух судах бойцами СОЕ, 17 из которых были англичанами, а остальные – надежными нигерийцами. Как ни странно, несмотря на плохое отношение Франко к Великобритании, по этому поводу не прозвучало ни единого протеста, ни официального, ни даже неофициального. Суммарный финансовый выигрыш от обеих операций достиг миллиона фунтов, весьма упрочив репутацию СОЕ и его позиции в бюрократической системе руководства войной.

4. “ПРОТИВОАТОМНАЯ” ДИВЕРСИЯ

Вероятно, наиболее охраняемым секретом союзников в период Второй Мировой войны являлось создание ядерного оружия. При этом в Лондоне и Вашингтоне не только стремились как можно скорее создать собственную атомную бомбу, но и опасались отстать в столь остром соперничестве от Германии. Это направление исследований было настолько закрытой, что правительство опасалось доверить его даже собственным разведорганам, поэтому на протяжении всего первого периода войны соответствующие задания ставились им “втемную”. Совместный Англо-американский комитет по руководству работой разведки по ядерной тематике был сформирован лишь в ноябре 1943 года. Однако его главной задачей являлось не столько препятствование исследованиям противника, сколько захват иностранных ученых, научной и технологической документации, а также сырья, установок и материалов. Однако в активе британских СИС и СОЕ значатся также и действия по препятствованию немцам в создании собственной атомной бомбы. В самом конце 1930-х годов считалось, что обязательным условием для такового является использование так называемой тяжелой воды, в которой атомы водорода замещены его более тяжелым изотопом дейтерием.

Впрочем начиналось все не с Британии, а с Франции. Толчком явилось сообщение видного французского физика Фредерика Жолио-Кюри, сделанное им в 1939 году министру вооружений Раулю Дотри. Ученый настаивал на необходимости вывезти из Норвегии запасы использовавшейся в ядерной физике тяжелой воды, наработанные с 1934 года на принадлежащем компании “Норск Гидро” водородно-электролизном заводе в Веморке (близ Рюкена). Чтобы не насторожить противника раньше времени, он предлагал мотивировать это необходимостью проведения научных экспериментов. Министр согласился с Жолио-Кюри и урегулировал вопрос с военными, направившими для проведения этой операции лейтенанта резерва, члена правления одного из банков и сотрудника 2-го бюро генерального штаба Жака Аллье. В марте 1940 года он во главе группы, включавшей также капитана Мюллера, лейтенанта Моссе и Кноль-Дема, прибыл в Осло, намереваясь закупить у норвежцев все имеющееся у них количество этого материала. К тому времени немцы также заинтересовались тяжелой водой и тоже направили в Осло к генеральному директору компании “Норск Гидро” Акселю Ауберту представителя концерна “И. Г. Фарбен” с аналогичным предложением, однако тот не сумел вразумительно объяснить цель закупки и поэтому получил отказ.

Аллье добился согласия Ауберта на продажу наличествовавших 185 килограммов тяжелой воды и предоставления французам преимущественного права на закупку продукции завода в Веморке в дальнейшем. Он обратил особое внимание на то, что в транспортной таре не должны присутствовать даже малейшие следы кадмия или бора, поэтому французам пришлось в глубокой тайне заказывать на месте 13 канистр, сваренных со строгим соблюдением технологических мер. После покупки перед разведчиком встала серьезная проблема доставки воды во Францию, причем приходилось исходить из того, что немцы, по всей вероятности, осведомлены о его миссии. Следует отметить, что никто из группы Аллье не знал о характере секретного груза, который им было поручено доставить. Французам демонстративно взяли билеты в Амстердам, однако в действительности скрытно вылетели с канистрами в Эдинбург, а оттуда доставили их в помещение своей военной миссии в Лондоне. 16 марта груз пересек Ла-Манш и был помещен в подвальное хранилище парижского “Коллеж де Франс”.

Однако после захвата Норвегии немцами угроза получения ими тяжелой воды с завода в Веморке вновь встала весьма остро. Еще летом 1940 года находившаяся под германским контролем администрация предприятия запланировала за год произвести ее в объеме 3 тысяч фунтов, а к концу 1941 года собирались увеличить эту величину до 10 тысяч. Бежавший в сентябре 1941 года в Швецию профессор Лейф Тронстад из Технологического института в Тронхейме перебрался в Британию и работал в СИС по линии научно-технической разведки. Он обратил внимание англичан на то, что после захвата в Бельгии двуокиси урана и при выпуске в Норвегии тяжелой воды немцы получили в свое распоряжение два необходимых компонента для создания атомного реактора, а в перспективе – и атомной бомбы. Единственный офицер МИ-6 с ученой степенью Эрик Уэлч работал именно в норвежской подсекции и после обсуждения предупреждения Тронстада с советниками IV секции пришел к выводу об исключительной стратегической важности завода в Веморке. Эксперты однозначно советовали организовать изъятие тяжелой воды до ее вывоза немцами, и в рамках этой идеи Тронстад попытался организовать прием на замерзшем озере около Веморка самолета с диверсионной группой. Однако его оперативный контакт на оккупированной территории отклонил как нереальные и эту идею, и несколько последующих. Затем специалисты предложили “отравить” тяжелую воду, добавив в емкости немного касторового масла, что должно было сделать продукт непригодным для использования, но это являлось лишь полумерой, поскольку сохраняло в неприкосновенности оборудование для производства и немедленно насторожило бы службу безопасности предприятия. Тем временем Уэлч перевели в группу проекта “Трубные сплавы”, название которого маскировало его истинную цель: разработку британского ядерного оружия. Возникло предложение не ломать голову над

организацией диверсии, а просто разбомбить завод, но этому воспротивились норвежцы, опасавшиеся значительного числа жертв среди гражданского населения.

На данном этапе за дело взялась скандинавская секция СОЕ, спланировавшая операцию “Фрэшмен”, которая началась 18 октября 1942 года после отмены двух стартов самолетов. Это была первая операция британских спецслужб в Норвегии, и закончилась она крайне неудачно. Группа боевиков во главе с Енсом Поулссоном, прошедших обучение в учебном центре СТС 026, 19 октября на двух планерах на буксире двух бомбардировщиков вылетела на плато Хардангер, однако из-за плохих погодных условий первый “Галифакс” разбился вместе с людьми, а второй не нашел точку сброса и попытался повернуть на обратный курс. При выполнении этого маневра обледеневший трос планера оборвался, и он вместе с бомбардировщиком совершил вынужденную посадку. Восемь бойцов погибли при приземлении, а остальные получили ранения различной степени тяжести и были захвачены немцами в плен. Пятерых из них расстреляли на месте, а еще пятеро после интенсивных допросов в гестапо с применением инъекций скополамина рассказали о цели экспедиции. Они также были убиты, а их тела утоплены в фиорде. 20 ноября в Лондон поступило сообщение о гибели группы, после которого стало ясно, что боевая операция имеет мало шансов на успех, и что следует рассчитывать только на диверсию. СОЕ приступил к ее подготовке, а СИС занялась препятствованием использованию немцами ученых в своей ядерной программе. В рамках именно этой задачи проводилась также эвакуация Нильса Бора из Копенгагена.

Следующая попытка уничтожения завода в Веморке носила название операции “Ганнерсайд” и была намного менее масштабна. Боевая группа под командованием лейтенанта Иоахима Рунненберга состояла из 6 норвежцев-добровольцев, прошедших обучение в школах СОЕ СТС 026 и СТС 017. Диверсанты успешно высадись с парашютами на том же плато Хардангер, где погибла первая группа, но на этот раз обошлось без жертв. 17 февраля 1942 года их встретили местные участники Сопротивления, а через 10 дней хранилища и установки обогащения воды были взорваны. Группа отошла без потерь, несмотря на предпринятые немцами беспрецедентные меры по ее поиску и захвату. Они полагали, что британцы высадили отряд численностью в 800 человек, и поэтому выделили на прочесывание района 10 тысяч солдат, однако диверсанты сумели на лыжах перейти норвежско-шведскую границу и были там ненадолго интернированы, а затем возвращены в Шотландию.

На этом борьба за тяжелую воду не закончилась. 8 июля 1943 года источники норвежской подпольной организации Сопротивления “Милорг” сообщили, что к середине августа ожидается успешное окончание ремонта заводского оборудования, в связи с чем меры безопасности в Веморке были чрезвычайно ужесточены. Отправку диверсионной группы признали нецелесообразной, и тогда ВВС спланировали воздушную операцию. 16 декабря 460 тяжелых бомбардировщиков совершили рейд на Осло и Ставангер, под прикрытием которого отдельная группа самолетов атаковала Веморк. Несогласованность в действиях американских и английских экипажей привела к тому, что первые прибыли к цели на 18 минут раньше и ушли на круг, тем временем немцы успели поставить дымовую завесу и закрыть объект от наблюдения с воздуха. В результате бомбовый удар пришелся по заводу синтетического аммиака и повлек абсолютно бессмысленную гибель 22 норвежцев, зато водородно-электролизный завод остался неповрежденным. Эмигрантское правительство заявило энергичный протест. Немцев весьма тревожила напряженная обстановка вокруг объекта, поэтому к 20 февраля 1944 года они полностью закончили демонтаж оборудования и отправили запасы тяжелой воды в рейх. Агенты СОЕ выяснили это обстоятельство, но из-за слишком сильной охраны железнодорожного состава не смогли осуществить диверсию на суше, и тогда британцы взорвали и утопили паром, перевозивший вагоны. Вместе с тяжелой водой на дно отправились 26 гражданских норвежцев, и на этом история окончательно завершилась. Самым печальным обстоятельством в данной истории являлось то, что при существовавшем в середине 1940-х годов уровне развития науки и техники использование

тяжелой воды в качестве замедлителя нейтронов в ядерном реакторе было тупиковым путем, а следовательно, и все предпринятые усилия оказались излишними.

* * *

Перечисленные агентурно-боевые и диверсионные операции составляют лишь малую часть из боевого пути СОЕ, развертывавшего свои действия на широком пространстве от берегов Ла-Манша до Юго-Восточной Азии. Исполнительный орган специальных операций насчитывал тысячи кадровых сотрудников и агентов, сотни из них погибли под ударами германских и японских органов безопасности и войск, а общий причиненный противнику ущерб достиг весьма заметных величин.

¹ Цит по: *Хайд Монтгомери*. Комната 3603. Рассказ о деятельности английского разведывательного центра во время Второй мировой войны в Нью-Йорке. М.: “Международные отношения”, 1967. С. 50.

² *Mackenzie, W. J. M.* The Secret History of SOE: The Special Operations Executive. 1940 – 1945. London, St. Ermins Press, 2002, p. 60.

³ При этом не следует забывать, что работники секции “Д” успели провести немало акций в области подрывной пропаганды.

⁴ *Foot, M. R. D.* SOE. An Outline History of the Special Operation Executive. 1940 – 1946. Pimlico, London, 1999, p. 16.

⁵ *Ibid.*, p. 19.

⁶ 25 октября 1924 года, за четыре дня до парламентских выборов в Великобритании, в британской прессе было опубликовано сфальсифицированное так называемое “письмо Коминтерна”, или по имени председателя его Исполнительного комитета, “письмо Зиновьева”, содержащее инструкции британским коммунистам по подготовке революции с помощью усиления подрывной пропаганды в армии и переманивания членов лейбористской партии. Публикация вызвала резкое обострение отношений между Москвой и Лондоном и весьма поспособствовала победе консерваторов. Позднейшее разоблачение фальсификации (правда, некоторые исследователи и сегодня считают письмо подлинным) вызвало крупный скандал в британском обществе и сильно скомпрометировало спецслужбы.

⁷ Это обозначение не являлось чем-то специфическим для СОЕ, а представляло собой входивший в структуру МИ-5, но финансируемый военными институт прикрытия секретных служб.

⁸ Фактически он не оказывал СОЕ никакого содействия, а в июле 1942 года вышел в отставку.

⁹ *Mackenzie, W. J. M.* *Op. cit.*, pp. 754 – 755.

¹⁰ Созданная заместителем начальника СИС полковником Клодом Дэнси параллельная система нелегальных резидентур.

¹¹ Сохраняя при этом британское подданство.

¹² *Фараго Ладислас*. Игра лисиц. Эпизоды агентурной борьбы. М.: “Международные отношения”, 1979. С. 163.

¹³ Там же. – С. 164 – 165.

¹⁴ Полигон на острове Узедом в Балтийском море.

¹⁵

¹⁶ *Cruickshank, Charles*. SOE in the Far East. Oxford University Press, Oxford and New York, 1983, p. 87.

¹⁷ *Ibid.*, p. 267.

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

В разгар Второй мировой войны Уинстон Черчилль сказал, что *никогда еще столь многое не зависело от столь немногих*. Британский премьер имел в виду летчиков-истребителей, выигравших Битву за Англию, но его слова в полной мере относятся и к диверсионной борьбе.

Террор во вражеском тылу никак не соответствовал представлениям о «джентльменской войне», однако все стороны, вовлеченные в мировой конфликт, активно применяли диверсантов – советский ОМСБОН, германский полк особого назначения «Бранденбург», британские коммандос, американские рейнджеры наводили ужас на врага. Дерзкие рейды по тылам противника, с применением его оружия и униформы, уничтожение важных объектов, удары по коммуникациям, беспощадная «рельсовая война» – действия диверсантов очень дорого обошлись неприятелю, сеяли панику в тылу, серьезно нарушали снабжение фронтовых частей. Даже неподтвержденный слух о появлении где-то рядом вражеской диверсионной группы мог деморализовать целые подразделения, как это не раз случалось летом 1941 года, когда в Красной Армии пришлось принимать драконовские меры против «диверсантобоязни». Но их продолжали бояться и ненавидеть по обе стороны фронта и практически никогда не брали в плен...

Эта книга подробно рассказывает о жизни и смерти диверсантов Второй мировой, об их подготовке, тактике и боевом применении. Некоторые операции, такие, как «рельсовая война» диверсантов НКВД или «работа» в советском тылу полка «Бранденбург», широко известны; о других, например, о действиях спецгрупп советской морской пехоты в Заполярье, даже специалисты узнали лишь в последние годы.

ISBN 978-5-699-31043-2

9 785699 310432 >

ЭКСМО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЯУЗА